

ODYSSEUS

Man in History

Mutual representations
of rituals and religious practices
of adherents of different Faiths

2015–2016



MOSCOW
DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY
2017

ОДИССЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Ритуалы
и религиозные практики иноверцев
во взаимных представлениях

2015–2016



МОСКВА
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
2017

СОДЕРЖАНИЕ

РИТУАЛЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ИНОВЕРЦЕВ ВО ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Лучицкая С. И.

«Три кольца».

Ритуалы и религиозные практики иноверцев:
взгляды с разных сторон11

Варьяш

И. И. Паломнические практики сарацин

в правовых памятниках

арагонской короны (XIV—XV вв.) 33

Астахов М. А.

Клятвы в дипломатических отношениях арагонской короны

и гранадского эмирата в XIV—XV вв 49

Толан Джон

«Ужасный шум»: звон колоколов

и крик муэдзина в межконфессиональной полемике

на пиренейском полуострове 65

Попова Г. А.

«Свято место пусто не бывает»?

Использование иноконфессионального

сакрального пространства

(пиренейский полуостров, VIII—XIII вв.) 85

Долгополов В. В.

«Твои доктора... согласны с подлинными

католическими докторами» (иудейские учителя

в *adversus judaeos* (XII — нач. XV в.):

статус и способы обозначения)..... 105

Пармонова М. Ю.

Греческие монахи в латинской Италии X в.:

Возможности и пределы адаптации 146

Чумичёва О. В.

Парадоксы «греческой веры»: между исламом,

христианством и языческими традициями 170

Чечик Л. А.

Образы «иудеев» и «мусульман»

в венецианской религиозной живописи

эпохи возрождения 187

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Избранные песнопения из *symphonia armonie celestium*

revelationum Хильдегарды Бингенской

(пер. и коммент. П. Д. Сахарова) 215

Реутин М. Ю.

Краткий очерк жизни и творчества

Хильдегарды Бингенской 232

Найджел Ф. Палмер

Аллегория и молитва: дом сердца и ковчег добродетелей

в «молитвеннике Урсулы Бегерин» 242

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Майзульс М. Р.

«Если ты бог — защищайся»:

католические модели протестантского иконоборчества 281

Карло Гинзбург

«Ножницы» Аби Варбурга 349

«ЧУЖАК»

В ОБЩЕСТВАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Симона Черутти

Кто такой «чужак» в Европе нового времени? Размышления

о юридических категориях и социальных практиках 380

ИСТОРИК И ВРЕМЯ*Каганович Б. С.*

Переписка О. А. Добиаш-рождественской и Ф. Лота392

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ*Парамонова М. Ю.*

Бесы и праведники «храма науки»: мемуары а. А. Зимина.

Судьбы творческого наследия отечественных историков
второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич.

М.: Аквариус, 2015431

Реутин М. Ю.

Там, где рождаются смыслы...

(Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков:

язык, традиция, текст. Спб.: Наука, 2014)..... 467

IN MEMORIAM

Л. М. Баткин (1932–2016)..... 487

Отто Герхард Эксле (1939–2016)..... 495

Summaries.....516

Об авторах.....523

«ЧУЖАК» В ОБЩЕСТВАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Симона Черутти

КТО ТАКОЙ «ЧУЖАК» В ЕВРОПЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ? РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ И СО- ЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Тема чужаков, или иностранцев¹, их статуса, прав, которыми их следует наделить, мест на которые они могут претендовать, обсуждается в наши дни так активно, что само значение этого термина кажется очевидным: чужак — это тот, кто приехал из дальних стран. Однако, изучая общества Раннего Нового времени, мы убеждаемся в том, насколько сегодняшние категории далеки от того смысла, который слову «чужак» придавали сами социальные акторы, упоминаемые в источниках. Термин чужак мог относиться не к уроженцам далеких стран, а к жителям соседней деревни; чужаком легко мог стать человек, живущий бок о бок с вами, даже член вашей семьи. Очевидно, что нельзя ставить знак равенства между «чужаком» и «человеком, приехавшим издалека»; другими словами, географическое происхождение не исчерпывает смысла, который в прошлом придавали слову «чужак».

Этот факт в целом не вызывает сомнения, и большинство исторических работ, посвященных данному вопросу, открывается экскурсами по социологии и сравнительной истории права начала XX в., которые позволяют охватить множественность значений термина «чужак» в одном и том же географическом ареале

¹ Французское слово *étranger* одновременно обозначает и «иностранца», и «чужака» в самом широком смысле этого слова. — *Прим. переводчика.*

и в один и тот же период. Гость, «внутренний чужак», «внешний враг» — всё это примеры различных уровней и степеней чуждости, которые, как напоминают исследователи, не тождественны современному значению термина и не исчерпываются им. Эти работы подчеркивают, что термин «чужак» не сводится к своему географическому измерению, и ставят вопрос о том, что значило быть чужаком в обществах Раннего Нового времени.

Тем не менее этот важнейший вопрос слишком часто вытеснен на исследовательскую обочину. Современные категории берут верх, и, говоря о чужаках, историки чаще всего подразумевают тех, кто по своему географическому происхождению не принадлежал к тому или иному локальному или национальному сообществу.

Однако почему подобное отождествление столь устойчиво?

Само собой, одна из важнейших причин этого — острота сегодняшних споров о чужаках (ведь, сравнивая прошлое с настоящим, мы зачастую неосознанно отождествляем объекты сравнения). Однако есть и другие факторы, которые связаны с тем, как в процессе исследования конструируются исторические объекты. Информация о географическом происхождении помогает придать неуловимой категории чужака какой-то социальный контур. Другими словами, задача построения классификаций ведет к тому, что историки закрывают глаза на множественность значений термина «чужак» и ограничиваются самым стабильным из них, которое позволяет вписать чужаков в социальную стратификацию, выстроенную на основе устойчивых свойств индивидов.

Стоит заметить, что точно таким же образом сложилась историографическая судьба «буржуа», который в городском социуме находился на противоположном краю социального спектра, — попытки дать этой категории устойчивое определение поставили перед исследователями некоторые интересные вопросы. Много лет назад один из крупнейших историков французского общества Старого порядка Ролан Мунье, отважно пытаясь вместить в одну типологию из девяти классов и многих десятков подклассов все парижское население XVII в., разочарованно сетовал на выражение «bourgeois de Paris»². Это «неудобное» обозначение, по словам Мунье, могло применяться к людям самого разного звания.

² Mousnier R. La stratification sociale à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles. L'échantillon de 1634, 1635, 1636. Paris., 1970. P. 15–20.

«Bourgeois de Paris» могли называть маркиза, а могли и столяра с улицы Сент-Антуан или сапожника, живущего на северном конце улицы Сен-Мартен. Эта категория представлялась Мунье настолько неудобной, что он вовсе отказался включать ее в свою классификацию. Но почему? Буржуа определялся не столько личными качествами (статусом или богатством), которые могли бы очертить его социальный портрет, сколько практиками. Словарь, описывавший буржуа, был богат на глаголы и беден на прилагательные. Например, «bourgeois de Paris» — это тот, кто прожил в городе год и один день (а значит, успел принять участие во всем его ритуальном цикле), тот, кто платит налоги на уборку улиц и освещение, одним словом, тот, кто участвует в городских ритуалах и, внося свой вклад в охрану здоровья других жителей и процветание города, демонстрирует свое стремление стать его полноправной частью. Буржуа могли быть самыми разными людьми, которые в течение какого-то периода своей жизни, пока они жили в городе и вели там свои дела, пользовались определенными правами и привилегиями. Происхождение и место рождения были одними из критериев, которые учитывались при получении этого статуса, но никогда не имели определяющего значения (мы еще вернемся к этому вопросу).

Примерно так же обстояли дела и с прямой противоположностью буржуа — чужаком. Контуры этой категории тоже подвижны и проницаемы. И буржуа, и чужак ставят историка в неудобное положение: ему трудно примирить в сознании тот факт, что локальная принадлежность была одним из важнейших факторов, определявших социальные иерархии в обществах Старого порядка, с тем, насколько вопиюще неопределенными и нестабильными кажутся контуры таких категорий, как чужак и буржуа.

В результате, несмотря на все аргументы, свидетельствующие об обратном, отождествление чужака с человеком, прибывшим издалека, никак не исчезнет из работ историков, поскольку оно позволяет сконструировать объект исследования, кажущийся гораздо более стабильным и осязаемым. Однако это тождество следует подвергнуть сомнению в свете внимательного изучения источников.

Для этого необходимо сделать шаг назад и, уже отталкиваясь от текстов, попытаться абстрагироваться от тех концептуальных рамок, в которые они были вписаны *a posteriori*, и воссоздать их собственную логику и контексты, в которых они бытовали в то время.

Дабы понять, каков был статус «чужаков» в европейских обществах Старого порядка, я считаю необходимым в первую очередь обратиться к юридическим классификациям. Осознание того, насколько в прошлом были важны системы классификации, основанные на юридических (а не только на экономических и социальных) прерогативах, стало одновременно условием и результатом наметившегося в последние годы сближения между историками и юристами права, которое помогло нам глубже понять функционирование тогдашних социумов. Мы знаем, что такие параметры, как пол, возраст или принадлежность к локальному сообществу, встречаются в источниках гораздо чаще, чем экономические и профессиональные категории. Юридический язык был на слуху и в ходу у значительной части населения; сходства и различия между различными социальными типажам, которые устанавливало право, образуют особые — часто удивительные для нас — конфигурации, суть которых становится ясна лишь тогда, когда мы выявим их грамматику и принципы, лежавшие в их основе. Я полагаю, что общее право было составной частью того, что можно было бы назвать антропологией западных обществ Раннего Нового времени. Поэтому оно имеет ключевое значение для дисциплины, которая призвана изучать события и формы поведения, учитывая цели и мотивации социальных акторов, а также те категории, которыми они пользовались.

Одной из первых категорий, к которым я обратилась, были *personnes misérables* — «обездоленные», «убогие», не обладавшие юридическим полноправием. Речь идет о понятии, которое появилось в правовых установлениях Савойского герцогства (на истории которого я специализировалась) в XIV в. и использовалось в судах как профессиональными юристами, так и самими социальными акторами, когда они предъявляли претензии на различные привилегии. Категория *personnes misérables* включала кажущийся разнородным набор типажей: «крестьян, бедняков, работников, сирот, вдов, малолетних, паломников, купцов, путешественников» и, наконец, «чужаков», тех, кто «приехал из других мест».

Нам предстоит понять, на какой основе право сближало эти социальные типажы; это позволит затем разобраться в том, какое место в обществе занимали «чужаки» и какой смысл вкладывали современники в этот термин.

Начнем с того, что рассмотрим причины возникновения категории *misérables*, а для этого очертим прерогативы, которыми пра-

во наделяло тех («крестьян, бедняков, работников, сирот...»), кто в нее входил.

Во-первых, мы знаем, что в городских обществах Старого порядка вдовы, сироты и малолетние, которые не были юридически полноправны, очень часто обладали аналогичным статусом, и что истоки их сближения уходят далеко в прошлое. Оно восходит к одному из законов императора Константина, в котором говорилось об особой юридической защите, на которую имели право вдовы и другие *misérables*. Обязанность их защищать была возложена на епископов, по крайней мере, со времен Халкидонского собора 451 г., который предписывал клирикам заботиться о «сиротах и вдовах», которых церковь должна была опекать в первую очередь. Многочисленные кодексы Каролингского времени возлагали этот долг на королей, и обязательство защищать бедняков вошло в клятву, которую монархи приносили во время коронации. Тема слабости малолетних и вдов, а значит, необходимости им покровительствовать, звучит на протяжении всего Средневековья.

Наконец, в юридических трактатах XVI–XVII вв., а также в статутах многих итальянских городов женщины и малолетние регулярно упоминаются рядом, поскольку и те, и другие слабы и считаются *misérables*. Они также порой прямо отождествляются с чернью, поскольку, «пребывая в убожестве», они оказываются в числе тех, кто не может рассчитывать на поддержку со стороны городского сообщества. Их называют слабыми и бедными, поскольку они не встроены в устойчивую систему семейных или социальных связей. Происхождение, пол и возраст (по крайней мере, юный возраст) — это важнейшие характеристики всякого юридического субъекта; меньшая социальная укорененность вдов и малолетних ведет к их юридическому неполноправию, к «недееспособности», которая заключается в том, что они не имеют права распоряжаться своим имуществом и передавать его по наследству. «Нищета», от которой они страдают, касается прежде всего имущественных и наследственных отношений. Вот что объединяет эти социальные типажи — все они для любого юридического действия вынуждены прибегать к помощи других лиц — полноправных опекунов.

Вдовы, сироты и малолетние — «ущербные в правовом отношении» (*misérables pour le droit*) рассматриваются как особая группа в юридических трактатах Савойского государства XVI в., и все они играют особую роль в политической и ритуальной жиз-

ни столицы герцогства. На протяжении XVII в. городские ритуалы включали богато одетых женщин и молодежь; внимание, которое им уделялось, говорит о том, что критерии достоинства опирались на понятие чести, а также позволяет оценить, как далеко простиралась защита, которую город мог оказать собственным жителям. Мы говорим о ее пределах, поскольку вдовы и дети не были полноправными гражданами. Вот почему, принося при вступлении в должность клятву, судья Турина (столицы государства) обещал, «покуда он находится на своем посту, никого не притеснять, а честно отправлять правосудие [...], в первую очередь защищая интересы Матери Католической церкви, бедняков, женщин, вдов, сирот и обездоленных (*personnes misérables*)».

Этот текст, наряду с женщинами, вдовами и сиротами, упоминает новый социальный типаж, также принадлежащий к числу *misérables*, — это бедняк. Он фигурирует бок о бок с ними в многочисленных юридических источниках: от городских статуты до различных узаконений, издававшихся государями на протяжении всего Раннего Нового времени. Привилегии, даровавшиеся беднякам, имеют очень давние корни и прошли в своем развитии множество этапов. Для всех них была характерна одна черта, которую подмечали многие историки: любовь к беднякам и обязанность их защищать издавна воспринимались как прерогативы государственной власти. Точка отсчета этой истории — «изобретение» категории бедняка, которое, как убедительно показал американский историк Питер Браун, следует приписать епископам IV в. То, что покровительство беднякам было одним из инструментов легитимации власти, видно по тому, как эта прерогатива в XIII–XIV вв. перешла от духовенства к монархам, прежде всего, королям Франции. Это обстоятельство не только требует от нас дистанцироваться от современного значения термина «бедняк» (где бедность означает, прежде всего, нехватку экономических ресурсов), но и заставляет взглянуть на эту категорию через призму тех судебных инстанций, в чьем ведении находились бедняки, и тех прав, которыми они должны были обладать.

В Савойе покровителями этой социальной категории стали герцоги, которые даровали беднякам особые юридические привилегии. С 1375 г., когда были приняты законы Амадея VI, в пьемонтском государстве один из сенаторов должен был служить «адвокатом бедняков», что положило начало бесплатному патронату при любом типе тяжб. Маркс и Энгельс посвятили этому ин-

ституту параграф в «Святом семействе» — они видели в нем прообраз государственного вмешательства в сферу права. Однако, как и в случае со вдовами и малолетними, дело было не столько в том, что они могли обратиться к суду бесплатно, сколько в оперативности и упрощенном характере правосудия; «слабость» бедняков требовала не столько материального вспомоществования, сколько привилегий, которые бы могли компенсировать дисбаланс сил, вызванный их недостаточной социальной укорененностью.

Среди множества французских ордонансов XVI–XVII вв., которые были призваны гарантировать беднякам привилегированное обращение со стороны правосудия, выделяется решение Королевского совета 1610 г., которое было заимствовано савойским правом и закрепило давно наметившееся сближение между бедняками, вдовами и малолетними. Генрих IV предписывал назначать специальных адвокатов и прокуроров для разбора дел бедняков, а также тяжб, которые касались вдов, сирот и в целом тех, кто лишен «совета и средств». То, что эти два термина здесь идут бок о бок, ясно свидетельствует о том, что основными характеристиками бедности считалось отчуждение и отсутствие прочных связей.

В то же время многие исследования, посвященные правам бедняков на поддержку в обществах Раннего Нового времени, показали, что существовавшая в ту пору иерархия нужды не сводилась к материальным ресурсам. В своей новаторской работе о флорентийском обществе XV–XVI вв., которая вышла в 1970-е гг.³, американский историк Ричард Трекслер показал, что право на помощь получали прежде всего не те «бедняки», которые больше всего нуждались, а те, кто раньше занимал привилегированное положение, а потом пережил социальное падение. Внимание города и помощь с его стороны привлекает тот факт, что человек чего-то лишился, ведь цель помощи вовсе не сословное возвышение (она не является инструментом социальной мобильности), а восстановление равновесия, заполнение лакун, которые могут образоваться в личной судьбе или чаще в истории семьи. В рамках подобной модели помощи бедным, первыми, кто мог на нее рассчитывать, были «постыдные» бедняки, которые утратили свой былой статус и пребывали в состоянии социальной деградации. Этот вывод

³ Trexler R. *Public Life in Renaissance Florence* (Studies in Social Discontinuity). New York, 1980.

подтверждается результатами исследований, проводившихся на материале разных европейских обществ, прежде всего, итальянских государств Раннего Нового времени — Савойя здесь не была исключением. Стыд везде был связан с социальной изоляцией.

Ассоциация между бедностью и социальной изоляцией могла опереться на древнюю авторитетную традицию. «Только чтобы мы помнили бедняков», — писал апостол Павел в Послании к галатам (2:10)⁴, и это выражение, которое бесконечное количество раз цитировано в источниках Раннего Нового времени, как подчеркивает Питер Браун, свидетельствует о том, как этот типаж воспринимался. «Беднякам» угрожает забвение, поскольку их положение связано не столько с материальной нуждой, сколько с исключением из социальных связей. Бедняк — это тот, кто утратил место, которое ранее занимал в обществе, и в итоге оказался в изоляции. Подобно тому, как умершие продолжают жить лишь в воспоминаниях живых, бедняки, чтобы продолжить существовать, нуждаются в том, чтобы о них вспоминали.

Эта концепция объясняет, что объединяло в одну категорию столь разные социальные типажы, как паломники и солдаты (в то время слово «солдат» в первую очередь ассоциировалось с наемником) — и те, и другие были лишены стабильных социальных связей, а их социальный статус во многих итальянских и северных городах Позднего Средневековья был схож.

То, что среди *misérables* фигурируют и купцы, — также плод долгой истории. Ее истоки восходят к XI в., к декретам, которые зафиксировали «юридическую неполноценность» купцов, которая была связана с их мобильностью, т. е. с тем, что они не были вписаны в стабильные сети защиты и покровительства. Купцы были приравнены к *misérables*, т. е. к тем, кто имел возможность обратиться в церковный суд. Иначе говоря, в основе этой классификации лежали вопросы юрисдикции; категория *misérables* включала одновременно крестьян и наемных работников, поскольку и те, и другие были в городе чужаками, а их образ жизни не предполагал оседлости. Гораздо более поздние юридические тексты хранят

⁴ В латинском тексте Вульгаты и в производных от него французских и итальянских переводах сказано, что помнить следует о *pauperum* («бедняках»). В русском Синодальном переводе в этом месте используется слово «нищие», так что мы скорректировали его, поскольку в библейском тексте и источниках, которые цитирует С. Черутти, применялся один и тот же термин. — Прим. переводчика.

верность старинному отождествлению купцов с *misérables* и предлагают классификацию тех социальных типажей, которым придется много странствовать, различая *peregrinatio optima* монахов и *peregrinatio melior* школяров от *peregrinatio bona* купцов с их привилегиями. В XVI в. купец, воспринимавшийся как «перекаати-поле», накрепко фиксируется в категории *misérables*.

Наконец, в этом списке социально слабых категорий появляются и *forenses*, «выходцы из других мест».

Однако взглянем еще раз на социальные типажи, которые входят в категорию бедняков. Эта классификация очерчивает специфическое социальное пространство, для которого, прежде всего, была характерна слабость социальных ресурсов и недостаточная укорененность в жизни города. Вдовы, сироты, малолетние, паломники, солдаты, купцы, а также наемные работники и приезжие страдают от своей уязвимости (связанной с их юридическим статусом или с самим фактом их географической мобильности), которая не позволяет им выполнить условия, необходимые для того, чтобы полноправно участвовать в созидании городской жизни. *Противоположность «убогого» или «обездоленного» (misérable) — это, конечно, не богач, а горожанин / гражданин (citoyen), т. е. человек, который вписан в стабильную сеть социальных отношений и юридически полноправен.*

Как в Турине, так и в большинстве европейских городов Раннего Нового времени, важнейшим доказательством активного членства в общине и участия в жизни города служил факт постоянного проживания в нем. Это был ключевой момент: по тогдашнему представлению, гражданство неразрывно связано со способностью исполнять социальный контракт, инкорпорироваться в сеть устойчивых отношений, «стать частью города». В этой системе координат гражданство вовсе не данность, и в нем нет ничего само собой разумеющегося. Его смысл сближается с определениями, которые предлагали те юристы XIV в., которые писали о договорном характере состояния гражданина. «Всякий может быть гражданином города»: кто-то по праву рождения, кто-то — в силу других причин. Именно город дарует статус гражданина; «подлинный гражданин — это тот, кто живет в городе» и вносит свой вклад в городские расходы. Перед нами первые теоретические формулировки волонтаристской трактовки гражданства, основанной на городском праве, а не на принципах *ius sanguinis* (права крови) или *ius loci* (права почвы).

Таким образом, язык гражданства — это прежде всего язык практик, а не статусов; гражданин — это скорее состояние, чем устойчивое «качество». То же самое касается и его противоположности — «чужака». Оба состояния не имеют строго очерченных рамок. Человек может оказаться чужаком, даже если рожден в городе или в какой-то другой территориальной общности. Происхождение из других мест, а также географическая мобильность, само собой, могут объяснить недостаточную укорененность в социальных связях, однако не являются единственным фактором чуждости.

В обществах Раннего Нового времени термин «чужак» в первую очередь означает вовсе не приезжего; он скорее отсылает к состоянию чуждости, которое часто оказывалось временным и, что еще важнее, потенциально могло выпасть на долю любого горожанина. «Чужаком» был ребенок; «чужаком» можно было стать после смерти отца или супруга; «чужаками» делались те, кто, покинув родные места, разрывал социальные связи; «чужаком» можно было стать, посвятив себя ремеслу, которое требовало географической мобильности. Контексты, в которых термин «чужак» используется в источниках, очерчивают все разнообразие этих социальных ситуаций.

Человек покидал состояние «чужака», когда, будучи рожденным в далекой стране, на полных правах вступал в цепь наследования имущества, либо когда — благодаря долгим и последовательным усилиям по завоеванию доверия — вновь становился полноправной частью сообщества. В этом сложном процессе конструирования социальных связей важнейшую роль играло постоянное проживание в конкретном месте, а также то, что человек платил налоги и участвовал в ритуальной жизни города. В целом все формальные условия доступа к статусу гражданина служили гарантиями того, что он достоин доверия. Напротив, формальные свидетельства о натурализации или предоставлении статуса горожанина, которые выдавались политическими властями и центральными или локальными администрациями, были не в силах подменить собой работу по приобретению прав: права получить свою долю в «пироге» местных ресурсов, которое в конечном счете и определяло принадлежность к сообществу, и *a contrario* — состояние чужаков, исключенных из подобного распределения. Важнейшими инстанциями, способными даровать человеку эти права или, наоборот, лишить его их, была семья и родня, но не

столько как система кровного родства, сколько как пространство, внутри которого передавалось имущество. Король и центральные власти вовсе не имели той монополии на дарование этих прав, которую им традиционно приписывают.

Исследование показывает, что чужак вовсе не обязательно находится на социальной обочине, вдалеке от стабильного ядра общества. Кроме того, ему явно стоит снять с себя маску Другого, которая, как считается, скрывала неискоренимые различия, вызывавшие страх и подозрения. Мы знаем, что отождествление чужака с Другим глубоко укоренилось в трудах историков и питает их убеждение в том, что фигура чужака, словно образ, искаженный кривым зеркалом, может многое рассказать об обществе и его политической системе. Считается, что образ чужака свидетельствует о страхах, которые существуют в обществе, и позволяет оценить, насколько (и до каких пределов) оно способно интегрировать в себя и контролировать Другого, мириться с различиями. Однако наше исследование приводит к совсем другим выводам. Состояние чужака, которое могло выпасть на долю каждого, скорее связано не с инаковостью (а значит, социальным контролем или, напротив, терпимостью к различиям), а с неопределенностью и переменчивостью судьбы. Страх перед чужаком — это вовсе не чувство, которое испытывают перед лицом неизвестного и опасного меньшинства, которое тебя осаждает со всех сторон, а скорее смутная тревога перед социальным падением, которое могло произойти в жизни каждого.

Чужак это не Другой — в обществах Раннего Нового времени процесс интеграции не подразумевал отказа от инаковости или ее «растворения». Исторический анализ здесь вновь ставит под сомнение пригодность наших собственных категорий для понимания прошлого. Нынешняя концепция интеграции по факту приравнивает ее к процессу растворения различий, отказу от прежних лояльностей и связей с родными местами в пользу ассимиляции в новый социум. Этот взгляд, который кажется мне опасным, порожден ошибочным смешением двух концептов, которые, напротив, следовало бы развести: «идентичность» и «принадлежность» не только не тождественны друг другу, но и относятся к совершенно разным измерениям: психологии с одной стороны и публичному пространству — с другой. При этом социальные историки чаще всего лишь воспроизводят эту поверхностную концепцию, используя для диагностики процессов интеграции индикаторы,

указывающие на то, в какой степени человек отказывается от прежних контактов в пользу новых: брачную экзогамию и замену связей с «родиной» на связи с их новой страной. Наше исследование показывает, что, хотя эти параметры и были значимы, они никогда не играли решающей роли. Интеграция подразумевала не столько распад прежней идентичности на новой почве, сколько утверждение и признание новых прав. Например, брак, конечно, был важным моментом в процессе интеграции; но не столько потому, что экзогамия означала отказ от прежних лояльностей в пользу новых, сколько в силу того, что, как мы видели, вхождение в цепочку наследования свидетельствовало о принадлежности к сообществу, которая открывала путь к натурализации и приобретению прав гражданина.

В целом процесс интеграции в обществах Раннего Нового времени не был устроен по модели «ассимиляции»; он вовсе не требовал отказа от старых связей или их сокрытия. Его основой было признание принадлежности, которая не имела отношения к идентичности и потому не исключала других связей, иначе говоря, признание за человеком права на доступ к местным ресурсам (наследованию имущества, владению собственностью, занятиям ремеслом). Это прекрасно сочетается с волюнтаристской и договорной концепцией гражданства, которая, как мы видели, анализируя категорию «бедняков», господствовала в обществах того времени и не была сопряжена ни с идеей «тождества», ни, напротив, с маскировкой или притворством. С этой точки зрения показательно, что среди «доказательств гражданства» или чуждости, которые часто встречаются в источниках, мы не встретим упоминаний о внешних признаках «инаковости», например, о манере одеваться или особой прическе. Акцент всегда делался не на различиях или, напротив, на их устранении, а на таком ключевом параметре, как коммуникация: умение говорить на местном языке (пусть и с акцентом), способность объясниться и вести разговор упоминаются как важнейшие доказательства стремления человека войти в сообщество и принять участие в местной жизни, что служит истинным фундаментом гражданства. «Различие» вовсе не препятствует интеграции, а признание прав, которое является маркером принадлежности к сообществу, не требует устранения этих «различий».

Перевод с французского Михаила Майзульса